

УДК 82

Л. А. Гаврилова

<https://orcid.org/0000-0002-9593-6084>

«Бобок» Ф. М. Достоевского: проблема жанра

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 18-012-90036
«Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы»*

Для цитирования: Гаврилова Л. А. «Бобок» Ф. М. Достоевского: проблема жанра // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 16–24. DOI 10.20323/2499-9679-2020-4-23-16-24

В статье поднимается проблема жанра произведения Ф. М. Достоевского «Бобок», актуализированная ещё М. М. Бахтиным, но по-прежнему представляющая научный интерес. Целью статьи является внесение уточнений в существующее в литературоведении понимание жанра произведения «Бобок». Задачи исследования связаны с выявлением в рассказе «Бобок» признаков жанров *видения* и *анекдота* и определением их роли в формировании жанровой специфики произведения и его смысловой организации. В статье использован комплексный подход к анализу рассказа «Бобок», включающий филологический и структурный анализ текста.

В результате проведённого исследования делается вывод: рассмотрение «кладбищенской истории» в рассказе «Бобок» с позиций средневекового жанра видения – точнее, видения-испытания как разновидности жанра видения – и характерного для культурной традиции времени Ф. М. Достоевского и его творчества жанра анекдота показывает структурность и синтетическую природу жанра этого произведения. Видение и анекдот являются вставными жанрами в рассказе «Бобок», усиливая его многостильность. Видение и анекдот взаимодействуют между собой. Обращённость к этим жанрам позволяет Ф. М. Достоевскому соединить в рассказе традиции христианской словесности прошлого, фольклора и литературной традиции настоящего. Присутствие в рассказе «Бобок» жанров видения и анекдота позволяет обозначить позиции автора рассказа и его героя: жанр видения акцентирует позицию автора, создающего для героя ситуацию духовно-нравственного испытания; жанр анекдота акцентирует позицию героя, который демонстрирует свою внутреннюю идейную, духовную и нравственную парадоксальность. Синтез жанров в рамках одного литературного произведения формирует сложную, разнофокусную, оптику видения мира и человека.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Бобок», «Дневник писателя», автор, герой, жанр, рассказ, видение, анекдот.

L. A. Gavrilova

«Bobok» by F. M. Dostoevsky: to the problem of the genre

The article raises the problem of the genre of the work of F. M. Dostoevsky «Bobok», actualized by M. M. Bakhtin, but still of scientific interest. The purpose of the article is to clarify the understanding of the genre of the «Bobok» work existing in literary criticism. The objectives of the research are related to the identification in the «Bobok» story of the signs of the genres of vision and anecdote and the definition of their role in the formation of the genre specificity of the work and its semantic organization. The article uses an integrated approach to the analysis of the «Bobok» story, including the philological and structural analysis of the text.

As a result of the study, the conclusion is drawn: the consideration of the «cemetery history» in the «Bobok» story from the standpoint of the medieval genre of vision – more precisely, the vision-test as a variety of the genre of vision – and the anecdote characteristic of the cultural tradition of the time of F. M. Dostoevsky and his work the structural and synthetic nature of the genre of this work. The vision and anecdote are inserted genres in the «Bobok» story reinforcing its versatility. The vision and the anecdote interact with each other. The appeal to these genres allows F. M. Dostoevsky to combine in his story the traditions of Christian literature of the past, folklore and the literary tradition of the present. The presence of the genres of vision and anecdote in the «Bobok» story allows us to define the positions of the author of the story and his hero: the genre of vision accentuates the position of the author, who creates a situation of spiritual and moral test for the hero; the genre of the joke accentuates the position of the hero, who demonstrates his inner

ideological, spiritual and moral paradox. The synthesis of genres within the framework of one literary work forms a complex, multi-focus, optics of seeing the world and man.

Keywords: F. M. Dostoevsky, «Bobok», «Diary of a Writer», author, hero, genre, story, vision, anecdote.

Рассказ «Бобок» задуман Ф. М. Достоевским в январе 1873 года и опубликован в начале февраля 1873 года в № 6 журнала «Гражданин». Это произведение стало шестой главой «Дневника писателя». По замечанию М. М. Бахтина, «Бобок» – один из самых коротких сюжетных рассказов Достоевского – является почти микрокосмом всего его творчества. Очень многие, и притом важнейшие, идеи, темы и образы его творчества – и предшествующего, и последующего – появляются здесь в предельно острой и обнаженной форме» [Бахтин, 2002, с. 162]. «Бобок» вызывал и продолжает вызывать интерес исследователей в России и за рубежом [Frank Joseph, 2003], [McNair M. J. M., 2006], порождая множество вариантов понимания его смыслов [Милнер-Галланд, 2012]. Идейная масштабность, сложность, противоречивость этого произведения не могла не выразиться и в своеобразии его жанра.

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена недостаточностью изученности жанрового своеобразия произведений Ф. М. Достоевского в целом и специфики жанра рассказа «Бобок» в частности. Целью статьи является внесение уточнений в существующее в литературоведении понимание жанра произведения «Бобок». Задачи исследования связаны с выявлением в рассказе «Бобок» признаков жанров видения и анекдота и определением их роли в формировании жанровой специфики произведения и его смысловой организации. В статье использован комплексный подход к анализу рассказа «Бобок», включающий филологический и структурный анализ текста.

Научное осмысление жанрового своеобразия рассказа, прежде всего, опирается на позицию М. М. Бахтина, который определяет жанр произведения «Бобок» как «фантастический рассказ» [Бахтин, 2002, с. 155] (так же определяет жанр этого произведения В. А. Туниманов [Туниманов, 1976, с. 160]) и считает, что это образец проявления в творчестве Ф. М. Достоевского древнегреческого жанра мениппеи [Бахтин, 2002, с. 155], ставшего основой для многих литературных жанров Нового времени. Более того, по замечанию учёного, «Бобок» по своей глубине и смелости –

одна из величайших мениппей во всей мировой литературе» [Бахтин, 2002, с. 155]. Предложенная М. М. Бахтиным жанровая идентификация произведения Ф. М. Достоевского с позиции исторической поэтики, безусловно, убедительна. Однако учёного, прежде всего, интересует жанровая сущность текстов Достоевского, в поисках которой он обращается к древнегреческой словесности. Он пишет о том, что «мениппея внедряется во все большие произведения <...>, задает тон всему творчеству Достоевского» [Бахтин, 2002, с. 155]. При этом вопрос о жанровой оригинальности произведения «Бобок» обозначенной идентификацией не ограничивается.

М. М. Бахтин указывает на возможность рассматривать «Бобок» Ф. М. Достоевского в аспекте реализации в нём других жанров, исторически родственных мениппее. Так, завершая анализ произведения, он отмечает, что «у Достоевского мениппея сближается с мистерией», которая «есть не что иное, как видоизменённый средневековый драматургический вариант мениппеи» [Бахтин, 2002, с. 165]. Признаком мистерии, по мысли учёного, является то, что «участники действия у Достоевского стоят на пороге (на пороге жизни и смерти, лжи и правды, ума и безумия). И даны они здесь как голоса, звучащие, выступающие «перед землёю и небом». И центральная образная идея здесь мистериальна (правда, в духе элевсинских мистерий): «современные мертвецы» – бесплодные зёрна, брошенные в землю, но не способные ни умереть (то есть очиститься от себя, подняться над собою), ни возродиться обновлёнными (то есть принести плод)» [Бахтин, 2002, с. 165-166]. Обращённость к традиции жанра мистерии позволяет Достоевскому показать, а читателю его произведения понять смысл разговора мертвецов в рассказе «Бобок» в аспекте христианской аксиологии, выразившейся в западноевропейской средневековой словесности.

Перспективность обозначенного М. М. Бахтиным исторического вектора изучения жанра произведения Достоевского подтверждается исследователями. Например, М. Р. Хамитов [Хамитов, 2016], выявляет в рассказе «Бобок» газетно-фельетонный извод жанра «разговоров мёрт-

вых», зародившегося в античности как вариант развития мениппеи и распространившегося в европейской литературе Возрождения, XVII–XVIII веков [Бахтин, 2002, с. 131], а затем в русской литературе XVIII–XIX веков и определяет его особенности. Такой подход целесообразен для понимания рассказа Достоевского в контексте литературного процесса, выявления в рассказе элементов фельетона, выражения в нём подлинной полемики Ф. М. Достоевского с его оппонентами, однако не в полной мере позволяет раскрыть жанровое своеобразие и художественный смысл произведения.

Жанр видения в рассказе «Бобок»

На наш взгляд, есть основания для рассмотрения рассказа «Бобок» с точки зрения особенностей жанра видения, характерного для средневековой словесности – и русской, и европейской. Прежде всего, согласно позиции М. М. Бахтина, этот жанр близок мениппее: учёный пишет о том, что в христианских жанрах «известное значение имеют <...>, как и в мениппее, сонные видения» [Бахтин, 2002, с. 152]. По замечанию М. М. Бахтина, Достоевский был очень хорошо знаком с древней христианской словесностью [Бахтин, 2002, с. 152], а значит, и с жанром видения. Это подтверждают исследователи Е. А. Гаричева [Гаричева, 2013] и Е. В. Шишкина [Шишкина, 1997], рассматривающие обращения писателя к жанру видения в романах «Идиот» и «Бесы».

По замечанию А. Б. Соболевой, «видения нельзя рассматривать как явление средневековой фантастики» [Соболева, 2016, с. 154]. Они не сочинялись, поскольку «средневековая литература не признает вымысла» [Соболева, 2016, с. 154]. А. Я. Гуревич называет видения «специфическим феноменом средневекового мирозерцания» [Гуревич, 1977, с. 5]. В них происходят «прорывы высшей реальности в повседневную жизнь <...>. Реальность средневекового человека <...> охватывала многие области, лежащие за пределами земного существования» [Гуревич, 1977, с. 10]. Е. А. Гаричева на основе сопоставления икон и сказаний об иконах вводит классификацию средневековых видений: «<...> в зависимости от степени готовности тайнозрителя выполнять Божественный Промысл и способа приобщения его к божественному порядку, видения можно классифицировать на видения-испытания, видения-указания и видения-свидетельства. Ви-

дения-испытания побуждают тайнозрителя к духовно-нравственному выбору, видение-указание являет волю Божию, которую нужно исполнить, видение-свидетельство показывает будущее, которое изменить нельзя» [Гаричева, 2013]. Согласно точке зрения Н. И. Прокофьева, в структуру видения входят: молитва или раздумье видящего, после чего он обычно впадает в «тонок» сон; появление чудесных сил, которые, сообщая видящему «откровение», разрешают какой-либо вопрос или призывают к действию; испуг видящего; смысл «откровения»; приказание о проповеди среди народа «откровения» [Прокофьев, 1964].

Указанные характеристики видения присутствуют в рассказе «Бобок», но явно в пародированном виде, то есть в данном случае отчасти реализуется мысль М. М. Бахтина о том, что «элементы мениппеи прощупываются в резко карнавализованной пародийной и полупародийной литературе средневековья: в пародийных загробных видениях <...>» [Бахтин, 2002, с. 153]. Тайнозритель – фельетонист, почитатель Вольтера и древнегреческой словесности Иван Иванович – сознательно избегает молитвы: во время отпевания родственника он отправился близлежащий в ресторанчик, где «закусил и выпил» [Достоевский, 1980, с. 43], после похорон на литию не поехал [Достоевский, 1980, с. 44]. Он даже позволяет себе ёрничество по поводу смрада от мёртвых тел, в двусмысленности которого сквозит богохульство: «*Но дух, дух. Не желал бы быть zdeшним духовным лицом*» [Достоевский, 1980, с. 43]. Оставшись после похорон на кладбище и сев на памятник, герой размышляет о насущном: «*Начал с московской выставки, а кончил об удивлении*» [Достоевский, 1980, с. 44]. Герой вспоминает о Боге, но «всуе», внутренне полемизируя с одним из оппонентов: «*И боже, подумал я, что бы с тобой было, если б ты это дерзнул теперь напечатать!*» [Достоевский, 1980, с. 44]. По поводу скинутого им с надгробной плиты на землю недоеденного кем-то бутерброда герой размышляет так: «*<...> на землю хлеб крошить, кажется, не грешно; это на пол грешно*» [Достоевский, 1980, с. 44]. Это высказывание показывает, что слово «грех» герою не чужое, но понимание его о грехе поверхностно, более относится к сфере суеверий.

Видение в произведении является следствием отнюдь не молитвенного состояния героя: он,

будучи нетрезвым, впал в забытие на могильной плите и вдруг начал слышать «разные вещи» [Достоевский, 1980, с. 44]. На голоса «не обратил сначала внимания и отнёсся с презрением» [Достоевский, 1980, с. 44], вероятно, ошибочно приняв их за голоса живых людей, случайно зашедших на кладбище, и лишь потом стал вслушиваться. Важно подчеркнуть, что и до видения, и во время видения герой ни разу не замечает за собой, не фиксирует в тексте, испуга – только любопытство. При этом герой не спит, чем можно было бы объяснить отсутствие у него страха. Герой лишь забылся и прилёг, а когда услышал глухие звуки, «очнулся, присел и стал внимательно вслушиваться» [Достоевский, 1980, с. 44]. Речь в данном случае идёт не об отсутствии у Ивана Иваныча суеверного страха. У него отсутствует страх Божий. Посмотрим, как сказанное связано содержанием «откровения» и его смыслом.

М. М. Бахтин, говоря об особенностях жанра мениппеи, подчеркивает, что «фантастика служит здесь не для положительного воплощения правды, а для её искания, провоцирования и, главное, для её испытания» [Бахтин, 2002, с. 129]. Анализируя рассказ «Бобок», учёный говорит о том, что для мертвецов «создается исключительная ситуация: последняя жизнь сознания (два-три месяца до полного засыпания) <...>» [Бахтин, 2002, с. 157]. Это «анакриза, провоцирующая сознания мертвецов раскрыться с полной, ничем не ограниченной свободой. И они раскрываются» [Бахтин, 2002, с. 157-158]. В карнавальном «покойничком эпатаже» [Владимирцев, 2008] устраняются все социальные, культурные, моральные ограничения, определяющие жизнь людей. «На земле жить и не лгать невозможно, ибо жизнь и ложь синонимы; ну а здесь мы для смеху будем не лгать», – говорит «негодяй псевдовысшего света» барон Клиневич [Достоевский, 1980, с. 52]. Ключевые слова в этом высказывании – «для смеху». Это отнюдь не добродушное веселье, не смех над собой или другими с целью побуждения себя или других к внутреннему раскаянию и обновлению, а смех «блудный», в котором присутствует элемент вызова [Кунильский, 1994], причем не земной общественной морали, которая именуется Клиневичем «гнилыми верёвками» [Достоевский, 1980, с. 52], а самой вечности. Это демонический, «кусающий» смех: «Хи-хи-хи! – откликнулся «Бобок» Ф. М. Достоевского: проблема жанра

надтреснутый звук девичьего голоса, но в нём послышалось нечто вроде укола иголки. – Хи-хи-хи!» [Достоевский, 1980, с. 50]. Дарованное мертвецам свыше «последнее милосердие» [Достоевский, 1980, с. 51], «чтобы в два-три этих месяца успеть спохватиться» [Достоевский, 1980, с. 51] и сделать последнее признание, используется ими не для покаяния, а для окончательного растворения в пороке, которое инженер называет устройением жизни «на разумных началах» [Достоевский, 1980, с. 52]. Участники могильного разговора сознательно отказываются от спасения своих душ, даже перешагнув рубеж смерти. В «карнавале мертвецов» нет высшего света, очищения, обновления душ. Финал этого карнавала – словечко «бобок», конечный смысл которого, по замечанию В. П. Владимирцева – «в соотношении со страшной потусторонней вечностью» [Владимирцев, 2008]. Это своего рода апофеоз расчеловечивания.

Учитывая то, что «Дневник писателя» является художественно-публицистическим единством [Прохоров, 2013], обозначенное понимание разговора мертвецов особенно очевидно на фоне предшествующего рассказу фельетона «Влас». В нём поднимается вопрос о способности грешника к покаянию и так же, как в рассказе «Бобок», создаётся ситуация, провоцирующая сознание двух Власов: один искушает другого выстрелить в святое причастие. В завершении фельетона Достоевский высказывает мысль о том, что «в последний момент вся ложь, если только есть ложь, выскочит из сердца народного и станет перед ним с неимоверною силою обличения. Очнётся Влас и возьмётся за дело божие. Во всяком случае, спасёт себя сам, если бы и впрямь дошло до беды. Себя и нас спасёт, ибо опять-таки – свет и спасение воссияют снизу <...>» [Достоевский, 1980, с. 41]. В рассказе «Бобок» Достоевский вновь поднимает вопрос о способности человека к покаянию, только взгляд его уже обращён к просвещённому и привилегированному слою общества. Разговор участников «карнавала мертвецов», к сожалению, положительного ответа на этот вопрос не даёт. М. М. Бахтин подчёркивает: «Особое место среди мертвецов занимает «простолюдин» (зажиточный лавочник); он один сохранил связь с народом и его верой, а потому и в могиле ведёт себя благообразно, принимает смерть как таинство

<...>» [Бахтин, 2002, с. 163]. Однако в центре внимания для автора в данном случае оказываются герой, Иван Иванович, и его духовно-нравственный выбор.

Как уже было отмечено, герой не знает страха Божьего: он материалист. Порочностью своей души герой близок мертвецам: горд, имеет скверный характер, постоянно пьян, не гнушается сомнительных предложений: «Искусство нравиться дамам» по заказу книгопродавца составил. Вот этаких книжек я штук шесть в моей жизни пустил» [Достоевский, 1980, с. 42]. Для сравнения: Клиневич говорит о «доморощенном философе, естественнике и магистре» Платоне Николаевиче: «Он несколько философских книжек пустил» <...>» [Достоевский, 1980, с. 42]. Наконец, Иван Иванович, как и мертвецы, слышит «не то чтобы голоса, а так как будто кто подле: «Бобок, бобок, бобок!» [Достоевский, 1980, с. 43]. Очевидно, что через видение герою открывается страшная картина его собственной души. Косвенные указания на эту «зеркальность» присутствует в тексте неоднократно: герой заглядывает в лица мертвецов в гробах, в «могилки», засыпает «на длинном камне в виде мраморного гроба» [Достоевский, 1980, с. 44] – своего рода «верхнем этаже» по отношению к пространству, в котором находятся мертвецы (герой говорит: «Если уж здесь до того дошло, то чего же спрашивать в верхнем-то этаже?» [Достоевский, 1980, с. 46]) Это видение побуждает героя к духовно-нравственному выбору. Однако что в данном случае является основным побуждающим фактором?

Герою не чуждо эстетическое восприятие происходящего. В частности, он упоминает эстетическую оценку в прессе его портрета, представленного на выставке («Ступайте смотреть на это болезненное, близкое к помешательству лицо» [Достоевский, 1980, с. 42]), об эстетическом упадке современной публицистики («Ныне юмор и хороший слог исчезают, и ругательства вместо остроты принимаются» [Достоевский, 1980, с. 42]), он даже лица покойников оценивает эстетически: «Есть выражения мягкие, есть и неприятные. Вообще улыбки не хороши, а у иных даже очень» [Достоевский, 1980, с. 42]. Герою должна если не потрясти, то хотя бы эмоционально потревожить не только этическая, но – возможно, даже в большей степени – эстетическая сторона видения. Так и происходит: видение

касается лишь слуха героя, но оно производит на него такое впечатление, что в его воображении создаётся визуальный образ «карнавала мертвецов». Он влияет на формирование отношения героя в услышанному: «Разврат в таком месте, разврат последних упований, разврат дряблых и гниющих трупов и – даже не щадя последних мгновений сознания! Им даны, подарены эти мгновения и... А главное, главное, в таком месте! Нет, этого я не могу допустить...» [Достоевский, 1980, с. 54]. Примечательно, что герой говорит: «Бобок меня не смущает» [Достоевский, 1980, с. 54]. Его смущает эстетическая и нравственная некрасивость «карнавала мертвецов». Это та самая некрасивость, которую в романе «Бесы» имеет в виду Тихон в разговоре со Ставрогиним: «<...> есть преступления поистине стыдные, позорные, мимо всякого оправдания ужасом...» [Достоевский, 1964, с. 80]. Эти смущение и отвращение становятся стимулами для будущего духовного обновления героя рассказа «Бобок». Однако будет ли оно? Ведь, во-первых, герой, не вполне принимает видение как зеркальное отражение грязной стороны собственной души, хотя интуитивно это допускает: в завершении рассказа он говорит: «А к тем непременно вернуться <...> дело совести!» [Достоевский, 1980, с. 54]. Во-вторых, герой, отчасти допуская мысль о том, что видение отражает дно его души, надеется, что оно не полностью охвачено пороком, то есть ищет возможность уклониться от полного покаяния: «Побываю в других разрядах, послушаю везде. <...> Авось наткнусь и на утешительное» [Достоевский, 1980, с. 54]. Следовательно, будущее покаяние героя остаётся под вопросом. В целом разговор мертвецов по содержанию, структуре и смысловой функции в рассказе «Бобок» соответствует старинному жанру видения-испытания. Он включён как вставной жанр в рассказ «Бобок», что вполне соответствует композиционной особенности мениппеи [Бахтин, 2002, с. 133]. Пародийность видения в рассказе Достоевского, наличие в нём сатирического начала, подчёркивает его природное родство с древним жанром разговоров мёртвых. Этот жанр в рассказе «Бобок» даёт сюжетную основу для жанра видения.

«Кладбищенская история» как анекдот

Для понимания жанровой оригинальности произведения Достоевского, прежде всего, фраг-

мента разговора мертвецов, целесообразно рассмотреть его с точки зрения особенностей анекдота – жанра, очевидно, как разговоры мёртвых и видение, восходящего к мениппее и характерного для творчества Достоевского [Захаров, 1985], в частности – для его «Дневника писателя» [Бакирова, 2017]. В определении В. И. Даля, актуальном для второй половины XIX века, анекдот – это «короткий по содержанию и сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае; байка, баутка» [Даль, 1880]. В. А. Михнюкевич даёт этому жанру такое определение: «1) в культурной традиции второй половины XVIII в. – первой половины XIX в. – устный или литературный рассказ о выдающемся или курьёзном событии в жизни крупного исторического деятеля или другого широко известного человека <...>; 2) в современной фольклористике – жанр фольклора, характеризующийся откровенно вымышленным острым или парадоксальным сюжетом с неожиданным финалом и остроумно высмеивающий те или иные стороны жизни, конкретное лицо» [Михнюкевич, 1997]. Этот же исследователь отмечает, что у Достоевского «анекдот имеет широкий спектр значений: историческое предание <...>, рассказ о реальном происшествии современной жизни, отражающий нравственно-поведенческий релятивизм <...>, подлинные происшествия, чем-либо поразившие когда-то самого писателя <...> так называемые блазоны о чертах того или иного национального характера» [Михнюкевич, 1997].

Герой рассказа «Бобок» в конце своих «записок» употребляет слово «анекдот»: «Обещали <...> разные анекдоты» [Достоевский, 1980, с. 54]. В данном случае имеются в виду истории, о которых говорит Клиневич: «Мы все будем вслух рассказывать наши истории и уже ничего не стыдиться» [Достоевский, 1980, с. 52]. Иначе говоря, мертвецы решили рассказывать друг другу «скандалезные анекдоты» [Михнюкевич, 1997] для низменного удовольствия. С их помощью они намерены, как говорит Клиневич, прожить «эти два месяца в самой бесстыдной правде» [Достоевский, 1980, с. 52]. В таком понимании анекдот – фольклорный жанр, байка для развлечения. Мертвецы успевают лишь намекнуть на возможность таких анекдотов: «<...> Катюша начнет первая свою би-о-графию» [Достоевский, 1980, с. 52]. Рассказать их полностью они не успевают. Однако означает ли это, что в рассказе

отсутствует анекдотическое начало? Для выяснения этого вопроса вновь обратимся к образу героя.

Текст, составляющий основу рассказа «Бобок», написан от имени Ивана Иваныча и назван «Записки одного лица», то есть в его заголовке заявлено присутствие дневникового начала. Действительно, в первой части текста герой размышляет о жизни, во второй – рассказывает и осмысляет происшествие на кладбище. На некоторую близость к дневнику указывает наличие в тексте ремарки героя, обращённой к себе: «Справиться в календаре Суворина» [Достоевский, 1980, с. 44]. Дневниковое начало показывает, что герой ещё способен к покаянию и внутреннему обновлению. Однако главное желание героя – публиковаться в журналах, чего у него не получается: «Написал повесть – не напечатали. Написал фельетон – отказали» [Достоевский, 1980, с. 42]. Герой хочет быть в центре общественного внимания: «Разве что безмездно, письма по редакциям рассылаю, за моею полною подписью. Всё увещания и советы даю, критику и путь указую» [Достоевский, 1980, с. 42]. Поэтому он обращается в тексте не столько к себе, сколько к читателям – его «записки» содержат черты фельетона, на что указывают, в частности, В. А. Туниманов [Туниманов, 1976], Н. Ю. Казакова [Казакова, 2016], М. Р. Хамитов [Хамитов, 2016]. Однако только ли желанием высказаться на злободневные темы, добавив в высказывание «аттической соли» [Достоевский, 1980, с. 41], обусловлены создание героем «записок» и предоставление его в журнал «Гражданин» («Снесу в «Гражданин»; там одного редактора портрет тоже выставили. Авось напечатает?») [Достоевский, 1980, с. 54]?

Как уже отмечено выше, герой помрачённым состоянием своей души близок мертвецам, в сущности, почти из их сообщества. На это в тексте есть косвенный намек: по словам Клиневича, к ним притащат «дня через три-четыре одного фельетониста, и, кажется, вместе с редактором» [Достоевский, 1980, с. 52]. Он тоже любит развлечения: Иван Иваныч начинает свою «кладбищенскую историю» высказыванием «ходил развлекаться, попал на похороны» [Достоевский, 1980, с. 43]. Можно полагать, что эта история тоже отчасти написана для развлечения – себя и читателей. Есть ли в ней черты анекдота?

Н. Д. Тамарченко, указывает на то, что одно из значений термина «анекдот» – полуфольклорный-полулитературный малый эпический жанр <...>» [Тамарченко, 2008]. В таком понимании жанр имеет следующие черты: «пределный лаконизм, схематичность изображения действующих лиц, сосредоточенность на одной ситуации, которая переосмысливается и переоценивается посредством резкой смены точки зрения (остроумного поворота или пуанта)» [Тамарченко, 2008]. Во фрагменте рассказа «Бобок», где речь идёт о видении героя и его осмыслении, эти черты присутствуют: мертвецы изображены схематично, в центре внимания и мертвецов, и Иван Иваныча – неожиданно открывающаяся тайна жизни, которой обусловлена ситуация нравственного выбора. В тексте выделяются две ключевые, противоположные нравственные позиции: мертвецы почти хором принимают предложение «обнажиться» – Иван Иваныч такое поведение категорически не приемлет: «Нет, этого уж я не могу допустить! И это современный мертвец!» [Достоевский, 1980, с. 48]. Однако в завершении текста герой неожиданно для читателя демонстрирует «пуант»: «А к тем непременно вернусь. Обещали свои биографии и разные анекдоты» [Достоевский, 1980, с. 54]. Возмущавшийся разнузданностью мертвецов герой вдруг неожиданно для читателя проявляет интерес к их историям, то есть демонстрирует «новую точку зрения на исходную ситуацию» [Тамарченко, 2008]. Таким образом проявляется характерное свойство жанра анекдота – «двойственное освещение основной сюжетной ситуации» [Тамарченко, 2008]: «карнавал мертвецов» оказывается для героя одновременно и отвратительным, и привлекательным.

Рассмотрение «кладбищенской истории» в рассказе «Бобок» с позиции жанров видения и анекдота показывает структурность и синтетическую природу жанра этого произведения. Видение и анекдот являются вставными жанрами в рассказе «Бобок», усиливая его многостильность, и взаимодействуют между собой. Обращённость к жанрам видения и анекдота позволяет Достоевскому соединить в рассказе традиции христианской словесности прошлого, фольклора и литературной традиции настоящего. Присутствие в рассказе «Бобок» этих жанров позволяет обозначить позиции автора и героя: жанр видения акцентирует позицию автора, создающего для героя ситуацию духовно-нравственного испыта-

ния; жанр анекдота акцентирует позицию героя, который демонстрирует свою внутреннюю идейную, духовную и нравственную парадоксальность. Синтез жанров в рамках одного литературного произведения формирует сложную, разнофокусную, оптику видения мира и человека.

Библиографический список

1. Бакирова Л. Р. Анекдот как жанр малой прозы «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского // Новое слово в науке: перспективы развития : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 26 март 2017 г.). Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 177–181.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Москва : Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 6–300.
3. Владимирцев В. П. Бобок // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. Санкт-Петербург, 2008. С. 33–34.
4. Гаричева Е. А. Видения юродивых в словесности Древней Руси и Нового времени. // Достоевский и современность: Материалы XXVII Международных Старорусских чтений 2012 года / ред. Н. Н. Подоскорский. Великий Новгород, 2013. С. 44–50.
5. Гуревич А. Я. Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» средних веков // Труды по знаковым системам. Тарту, 1977. Вып. 411. С. 3–27.
6. Даль В. И. Анекдот // Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. Издание М. О. Вольфа. СПб, 1880. С. 17.
7. Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1873 г. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 21. Ленинград : Наука, 1980. 551 с.
8. Достоевский Ф. М. У Тихона. Пропущенная глава из романа «Бесы». Inter-Language Literary Associates. New York, 1964. 144 p.
9. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского. Типология и поэтика. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 208 с.
10. Казакова Н. Ю. Плагиат как шедевр. Лев Панютин и Достоевский // Вопросы литературы. 2016. № 5. С. 214–224.
11. Кунильский А. Е. Проблема «смех и христианство» в романе Достоевского «Братья Карамазовы» // Проблемы исторической поэтики. 1994. Т. 3. С. 192–200. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2382>;
12. Милнер-Галланд Р., Соболева О. Что происходит в рассказе «бобок»? // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 293–313. URL: <https://web.archive.org/web/20151124081216/http://magazines.russ.ru/voplit/2012/4/m15.html>

13. Михнюкевич В. А. Анекдот // Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев; науч. ред. Г. К. Щенников. Челябинск: «Металл», 1997. 272 с. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/129/>
14. Прокофьев Н. И. Видение как жанр в древнерусской литературе // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. Вопросы стиля художественной литературы. № 231 / год ред. А. И. Ревякина. Москва, 1964. С. 35–56.
15. Прохоров Г. С. О композиции «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 14 (305). Филология. Искусствоведение. 77. С. 58–60.
16. Соболева А. Б. Жанр видений в древнерусской литературе (на материале азбучного патерика) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. № 4. С. 153–169.
17. Тамарченко Н. Д. Анекдот // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. Москва: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 22.
18. Туниманов В. А. Л. К. Панютин и «Бобок» Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования // Достоевский. Материалы и исследования. Ленинград, 1976. Т. 2. С. 160–163.
19. Хамитов М. Р. Разговоры в царстве мёртвых: «Бобок» Ф. М. Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования / РАН ИРЛИ (Пушкинский Дом); отв. ред. К. А. Баршт, Н. Ф. Буданова. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. Т. 21. С. 29–43.
20. Шишкина Е. В. Жанровые формы древнерусской литературы в преломлении Ф. М. Достоевского // Актуальные проблемы филологии: Материалы научно-практической конференции, посвященной 40-летию Башгосуниверситета. Уфа: Башкирский ун-т, 1997. С. 21.
21. Frank Joseph. The Mantle of the Prophet, 1871–1881. Princeton: Princeton U. P., 2003.
22. McNair M. J. M. Dostoevsky, «Bobok», Pierre Bobo and Boborykin // Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds: Essays in Honour of Malcolm V Jones. Ilkeston: Bramcote Press, 2006.
3. Vladimircev V. P. Bobok = Bobok // Dostoevskij: Sochinenija, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik. Sankt-Peterburg, 2008. S. 33–34.
4. Garicheva E. A. Videnija jurodivyh v slovesnosti Drevnej Rusi i Novogo vremeni = Visions of the young in the literature of Ancient Russia and the New Age // Dostoevskij i sovremennost': Materialy XXVII Mezhdunarodnyh Starorusskikh chtenij 2012 goda / red. N. N. Podosokorskij. Velikij Novgorod, 2013. S. 44–50.
5. Gurevich A. Ja. Zapadnoevropejskie videnija potustoronnego mira i «realizm» srednih vekov = Western European visions of the otherworld and «realism» of the Middle Ages // Trudy po znakovym sistemam. Tartu, 1977. Vyp. 411. S. 3–27.
6. Dal' V. I. Anekdot = Anecdote // Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. T. 1. Izdanie M. O. Vol'fa. Sankt-Peterburg, 1880. S. 17.
7. Dostoevskij F. M. Dnevnik pisatelja 1873 g. = Diary of the writer 1873 // Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. v 30 t. T. 21. Leningrad: Nauka, 1980. 551 s.
8. Dostoevskij F. M. U Tihona. Propushhennaja glava iz romana «Besy» = Tikhon's. Missed chapter from the novel «Demons». Inter-Language Literary Associates. New York, 1964. 144 r.
9. Zaharov V. N. Sistema zhanrov Dostoevskogo. Tipologija i poetika = System of Dostoevsky genres. Typology and poetics. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1985. 208 s.
10. Kazakova N. Ju. Plagiat kak shedevr. Lev Panjutin i Dostoevskij = Plagiarism is like a masterpiece. Lev Panyutin and Dostoevsky // Voprosy literatury. 2016. № 5. S. 214–224.
11. Kuni'skij A. E. Problema «smeh i hristianstvo» v romane Dostoevskogo «Brat'ja Karamazovy» The problem of «laughter and Christianity» in Dostoevsky's novel «Brothers Karamazov» // Problemy istoricheskoy poetiki. 1994. T. 3. S. 192–200. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2382>;
12. Milner-Galland R., Soboleva O. Chto proishodit v rasskaze «Bobok»? = What's going on in «Bobok» story? // Voprosy literatury. 2012. № 4. S. 293–313. URL: <https://web.archive.org/web/20151124081216/http://magazines.russ.ru/voplit/2012/4/m15.html>
13. Mihnjukevich V. A. Anekdot = Anecdote // Dostoevskij: Jestetika i poetika: Slovar'-spravochnik / sost. G. K. Shhennikov, A. A. Alekseev; nauch. red. G. K. Shhennikov. Cheljabinsk: «Metall», 1997. 272 s. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/129/>
14. Prokofev N. I. Videnie kak zhanr v drevnerusskoj literature = Vision as a genre in ancient Russian literature // Uchenye zapiski MGPI im. V. I. Lenina. Voprosy stilja hudozhestvennoj literatury. № 231 / god red. A. I. Revjakina. Moskva, 1964. S. 35–56.
15. Prohorov G. S. O kompozicii «Dnevnik pisatelja» F. M. Dostoevskogo = About the composition of the

Reference List

1. Bakirova L. R. Anekdot kak zhanr maloj prozy «Dnevnik pisatelja» F. M. Dostoevskogo = Anecdote as a genre of small prose «Writer's Diary» by F. M. Dostoevsky // Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya: materialy XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 26 mart 2017 g.). Cheboksary: CNS «Interaktiv pljus», 2017. S. 177–181.
2. Bahtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo = Problems of poetics Dostoevsky // Bahtin M. M. Sbranie sochinenij: v 7 t. Moskva: Russkie slovari; Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. T. 6. S. 6–300.

«Writer's Diary» by F. M. Dostoevsky // Vestnik Cheljabinskogo gos. un-ta. 2013. № 14 (305). Filologija. Iskusstvovedenie. 77. S. 58–60.

16. Soboleva A. B. Zhanr videnij v drevnerusskoj literature (na materiale azbuchnogo paterika) = The genre of visions in ancient Russian literature (based on the material of alphabetic paterics) // Problemy istoricheskoi pojetiki. Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU, 2016. № 4. S. 153–169.

17. Tamarchenko N. D. Anekdot = Anecdote // Pojetika: slov. aktual. terminov i ponjatij. Moskva : Izdatel'stvo Kulaginoj; Intrada, 2008. S. 22.

18. Tunimanov V. A. L. K. Panjutin i «Bobok» Dostoevskogo Dostoevskij = L.K. Panyutin and «Bobok» Dostoevsky // Dostoevskij. Materialy i issledovanija. Leningrad, 1976. T. 2. S. 160–163.

19. Hamitov M. R. Razgovory v carstve mjortvyh: «Bobok» F. M. Dostoevskogo = Conversations in the

kingdom of the dead: «Bobok» by F. M. Dostoevsky // Dostoevskij. Materialy i issledovanija / RAN IRLI (Pushkinskij Dom); otv. red. K. A. Barsht, N. F. Budanova. Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2016. T. 21. S. 29–43.

20. Shishkina E. V. Zhanrovyje formy drevnerusskoj literatury v prelomlenii F.M. Dostoevskogo = Genre forms of ancient Russian literature in refraction by F.M. Dostoevsky // Aktual'nye problemy filologii: Materialy nauchno-prakticheskoi konferencii, posvjashhennoj 40-letiju Bashgosuniversiteta. Ufa: Bashkirskij un-t, 1997. S. 21.

21. Frank Joseph. The Mantle of the Prophet, 1871–1881. Princeton: Princeton U. P., 2003.

22. McNair M. J. M. Dostoevsky, «Bobok», Pierre Bobo and Boborykin // Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds: Essays in Honour of Malcolm V Jones. Ilkeston : Bramcote Press, 2006.